

Кудрявцев О.Ф.

“ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ”:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ
ГУМАНИСТОВ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПЛАТОНОВСКОЙ
АКАДЕМИИ

*“Познай же цену срочных дней
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливей, был умней”*
Боратынский

**(статья опубликована в изд.: Культурные связи в Европе эпохи
Возрождения. М., 2010. С. 38-56)**

Вопросы морали – одни из главных и часто обсуждаемых в философском наследии Фичино и гуманистов его круга, известного в историографии как флорентийская Платоновская академия. При этом, излагая учение о нравах, толкуя о добродетелях и пороках, ни Фичино, ни близкие ему мыслители совсем не претендовали на самостоятельность. И все же отдельные стороны их нравственных воззрений обращают на себя внимание, если не своей оригинальностью, то уж по крайней мере весьма точным выражением моральных устремлений их времени или представляемого ими направления гуманистической мысли.

§ 1. Время

Для Фичино время представляет интерес прежде всего как такое условие земной жизни, отношение к которому определяет и обнаруживает нравственный облик человеческого субъекта. Онтологически время, по Фичино, не обладает абсолютной реальностью, оно переходит и растворяется в вечности¹. Другое дело если рассматривать его в аспекте человеческого существования, в качестве своего рода собственности, от распоряжения

которой зависит все то, чего люди могут достичь в жизни, - и качества их собственной персоны, и обстоятельства их наличного бытия. Фичино очень похож на Альберти, так же, как и он, проповедуя бережное, рачительное обращение со временем и с тревогой переживая его постоянное, ничем не остановимое движение. Это ощутимо в призывах дорожить текущим мгновением, ценить настоящее и ничего не откладывать на завтра, с которыми гуманист адресовался к близким ему людям. «”Нет, никогда, мне поверь, - увещевал Фичино осенью 1474 г. своего патрона Лоренцо Медичи цитатой из Марциала, - не скажет мудрец: ‘Поживу я’, - / Жизнью завтрашней жить – поздно. Сегодня живи!”... Да сгинет сегодня это завтра, да сгинет как можно быстрее, дабы ты не погиб; нет ничего лживее этого завтра, обманывавшего всех, кого рождала земля... Мы едва обладаем настоящим, ведь мы так непрочно его имеем, что не могли бы его задержать даже на короткий миг. Однако будущее – ничто, - повторяет гуманист снова и снова, - посему никто не владеет им... Будь счастлив сегодня; если ты рассчитываешь на счастье завтра, ты никогда не будешь счастлив”»². Эта же мысль - “радуйся настоящему” – закреплена в изречениях, начертанных “на стенах Академии”³, став таким образом одной из фундаментальных этических норм возглавляемого Фичино платонического сообщества.

Исходя из убеждения о величайшей ценности времени, Фичино то и дело в своих посланиях обращался к близким ему людям с призывами дорожить временем и не терять его, в особенности когда заходила речь об овладении науками: “Но желаешь ли ты благоденствовать? [Тогда] учись хорошо и учись, прошу тебя, сегодня; кто учится завтра, не учится никогда”⁴, - наставлял он в ноябре 1473 г. Антонио Пацци, своего подопечного из могущественной флорентийской семьи. В письме к Джованни Кавальканти, одному из своих ближайших друзей, Фичино оправдывал настоятельную просьбу вернуть ему книги нежеланием терять время, по-видимому, для работы, ибо, по его словам, нет потери большей, чем эта⁵. Подобную же мысль он обыгрывал в письме Пьеро Ванни, Керубино Кварквалли и

Доменико Галетти, рассуждая о глупости и убогости людской: “Кто задумывается о том, сколь вредна потеря времени? Расходуя деньги, мы очень скупы, расходуя время, - расточительны сверх меры”⁶.

Более подробно о недопустимости проводить время без дела писал Фичино в уже цитированном послании к своему еще юному покровителю: “В моей болезни, Лоренцо, ничто меня не угнетало так сильно, как память о бесполезно потраченном времени; напротив, ничто не могло меня как-то утешить, кроме воспоминания о том, чему я обучился, пусть выучил я немного... Поэтому я умоляю тебя, мой дражайший патрон, ради вечного Бога тратить благоразумно и расчетливо наидрагоценнейшее время, сколь немного его не было бы, дабы у тебя никогда не нашлось повода раскаиваться в напрасной расточительности и безвозвратной потере. Восьмидесятилетнего Феофраста потеря времени часто приводила к слезам⁷; и она же заставляла великого Козимо, когда ему было за семьдесят, часто тяжело вздыхать в моем присутствии... То, о чем я прошу, Лоренцо, просто, ибо нетрудно проводить один час надлежащим образом и с пользой; употреби, молю тебя, ежедневно один час как следует, то есть для насыщения ума свободными науками, и пусть сие малое время живет счастливо для тебя”⁸.

Примером того, сколь нужно дорожить временем, Фичино представлял Козимо Медичи, деда Лоренцо. “Козимо был столь же скуп и бережлив со временем, сколь Мидас с деньгами; - сказано в следующем послании к Лоренцо (осень 1474 г.), - и хотя он очень экономно расходовал дни, тщательно рассчитывая каждый час, сей человек, знающий цену мгновению, часто оплакивал впустую растраченное время”⁹. Мы не знаем, в какой мере образ Козимо, нарисованный Фичино, соответствовал действительности; важно, что таким его видел или хотел видеть гуманист, изображая как безукоризненный образец распорядительного хозяина времени, заботящегося о полезном употреблении каждого его мига. И этим образцом он призывал руководствоваться Лоренцо.

К увещаниям своего наставника молодой властитель Флоренции оказался восприимчив. Во всяком случае таким он изображал себя. “Я был весьма обрадован твоим посланием, - писал (октябрь 1474 г.) он в ответ на новое обращение к нему Фичино, лстя ему и в то же время умея найти себе оправдание, - в котором ты обличал нас в бессмысленной потере времени таким образом, что совсем бесполезным оказывается сие наше безделье. Ибо обычная небольшая потеря времени спровоцировала тебя выступить с наставлениями, кои могли бы быть полезны не только нам, но и всем, страждущим от той же болезни”¹⁰. В конце письма еще раз одобрительно отзываясь о поучениях своего нравственного руководителя, Лоренцо воспроизводил излюбленную мысль того о времени, не знающем никакого завтра¹¹.

Моральные уроки Фичино и мыслителей его круга были столь основательно усвоены Лоренцо Медичи, что он сам стал их активным пропагандистом. В знаменитой “Вакхической песне” (или иначе - “Триумф Вакха и Ариадны”, 1489 г.), в которой речь идет о быстротечности жизни, он воспроизводит в двух стихах часто повторяемые Фичино заповеди - “радуйся настоящему” и “не доверяй завтра”:

“Счастья хочешь, счастлив будь

Нынче, завтра - неизвестно”¹² (Перевод В. Брюсова)

Призыв дорожить временем, столь характерный для моральных наставлений его ученого друга, является лейт-мотивом одной из “Плясовых песен” Лоренцо (1490-1491 гг.), получая точное и полное выражение в ставшей очень популярной максиме “время не ждет”:

“Тот, кто выжидает, время убивает,

Ведь оно не ждет, но прочь убегает”¹³.

Своему сыну Иоанну, когда тот, четырнадцатилетний, был возведен в кардиналы (1489 г.), Лоренцо в поучениях, напоминающих назидания уже не столько Фичино, сколько Альберти, рекомендовал быть рачительным хозяином своего времени, уметь его должным образом организовать:

“Одного правила прежде всего советую Вам держаться как можно строже, а именно: вставать каждое утро рано, чтобы - не говоря уже о большой пользе для здоровья – иметь возможность обдумать и сделать все, что нужно, за день; и в Вашем сане – поскольку Вам надлежит служить в церкви, учиться, давать аудиенции – Вы найдете это весьма полезным. Другое дело тоже в высшей степени необходимо в вашем положении, именно: обдумывать всегда, и в особенности вначале, вечером все, что Вы хотите сделать на следующий день, дабы не могло выйти ничего непредвиденного”¹⁴.

x

x

x

Приведенные выше рассуждения Фичино точно передают умонастроение эпохи, которое, лишив время сакрального ореола, полностью ответственным за распоряжение им сделало человека. Стоит заметить здесь также, что не руководствуясь Фичино сам своими же рекомендациями ближним о том, как надо ценить время¹⁵ и каждый переживаемый момент его, несомненно, он не смог бы проделать ту колоссальную работу, результатом которой стали его многочисленные переводы мыслителей древности, комментарии к ним, собственные оригинальные трактаты и переписка.

§ 2. Фортуна

“Я прихожу к выводу, Пандольфо и Бернардо, что весьма полезным было бы дать вам знание того, что такое фортуна и что такое случай, и чтобы вы, узнав это, могли бы понять, в состоянии ли здравый смысл, благоразумие и должная человеческая предусмотрительность противостоять случайностям фортуны или нет, в полной мере или частично, - обращался богатый флорентийский патриций Джованни Ручеллаи к своим сыновьям в “Записных книжках” – собрании заметок и наблюдений, предназначенных сообщить потомству все накопленные им знания и житейский опыт, столь необходимые для делового человека его круга. – И поскольку мнения разнятся, ниже я вам приведу записи высказываний философов и других

авторов, отделяя тех, кто держался одного мнения, от тех, кто держался другого”¹⁶.

Ручеллаи дает предлинную подборку рассуждений о фортуне, происхождение которых, впрочем, не всегда можно точно установить, много цитируя Аристотеля, Саллюстия, Сенеку, Боэция, Эпиктета, Цицерона, Бернарда Клервосского, Данте, Петрарку, Чекко д’Асколи и некоторых других, а из своих современников – известного тогда юриста Джованни Мартини да Сан Джиминиано и, как видно становящегося все более популярным философа-платоника Марсилия Фичино¹⁷. По мнению Ручеллаи, “большинство сходится в том, что фортуна есть лишь пустое имя” и что предусмотрительность, здравомыслие и благоразумие способны противодействовать случайностям фортуны (*casu fortuiti*), “так что они не смогут совсем или смогут мало повредить мудрому человеку, который в большинстве случаев сумеет защититься от них”¹⁸. Однако если фортуна всего лишь “пустое имя”, “ничто”, то почему ей у Ручеллаи уделяется так много внимания, более того – приписывается власть над “богатствами и благами мира”?¹⁹ Потому что для него, носителя мироощущения ренессансной поры, фортуна в своей многоликости и непостоянстве становится неким собирательным образом текучести и изменчивости внешнего мира, чуждого, неподвластного человеку и в силу этого опасного для него наличного бытия²⁰. В хронологических записях, относящихся к 1456 г., “необычной и удивительной фортуной” (*maravigliosa e mirabile fortuna*) он называет конкретно чудовищной силы ураган, ставший причиной больших разрушений и многочисленных смертей людей и животных в нескольких местечках Тосканы; декабрем того же года помечено письмо его брата Паоло Ручеллаи с описанием “страшной фортуны” (*terribile fortuna*) – землетрясения, жертвой которого стали Неаполь и его округа²¹.

Имя Фичино появляется у Ручеллаи в почетном ряду широко известных древних и средневековых философов, богословов и поэтов; но в отличие от них его мнение представлено достаточно пространственным посланием, которое

было подготовлено между 1460 и 1462 гг. и специально посвящено состоятельному патрицию и, возможно, покровителю гуманиста, целиком включившему его в свои “Записные книжки”²². На вопрос Ручеллаи, можно ли каким-либо образом предотвратить случайности фортуны или противостоять им, Фичино поначалу в полном согласии с тем, как наставлял детей его адресат, писал, что “ударам фортуны не могут противостоять ни человек, ни человеческая природа, но человек благоразумный и человеческое благоразумие”. Однако далее гуманист уточнял, что “человеческое благоразумие есть дар не просто природы, но гораздо больше – начала, источника и первопричины природы”, иными словами Небес; поэтому, продолжал Фичино свое рассуждение, «благоразумный человек обладает силой для противодействия фортуне, но с той оговоркой, которую сделал мудрец: “Ты не имел бы этой силы, не будь она дана свыше”»; сама фортуна, оказывается, в конечном счете, творит волю Божью, ибо хотя она “есть ход событий, совершающийся вне порядка вещей, который нам обычно известен и желателен, тем не менее согласно порядку, о котором знает и который желает Тот, Кто знает и желает более, чем позволяет нам наша природа”. За этим рассуждением следует нравственное заключение (*morale sententia*), мало согласующиеся с установкой Ручеллаи на сопротивление фортуне: “Хорошо сражаться с фортуной оружием благоразумия, терпения и великодушия; лучше уклониться и бежать такой войны, в которой побеждают лишь немногие, да и те с невероятным трудом и обильным потом; лучше всего заключить с ней мир или перемирие, сообразовывая нашу волю с ее волей, и добровольно идти туда, куда она укажет, дабы она не повела нас туда силой”²³.

В сущности Фичино формулировал здесь точку зрения, высказанную еще Платоном и широко принятую в средневековой богословской мысли, основывающуюся на том, что фортуна (судьба, случай) должна рассматриваться как производное божественного промысла, форма его реализации в наличном мире²⁴. Из такого понимания фортуны логически

вытекает рекомендация добровольно подчиняться ее велениям, поскольку в них, в конечном итоге, заявляет о себе божественная необходимость. Сходная мысль встречается и в эпистолах Фичино, изданных самим гуманистом, например, в послании к некоему Лоренцо Франческино (1477 г.): “И, наконец, пожалуй скажут, что дела наши направляются либо фортуной, либо роком; [однако] Божественное провидение иррациональную фортуна приводит в порядок разумом, а также наинейшим образом направляет ко благу неумолимый рок, дабы все оказалось упорядоченным и благим для тех, которые охотно соглашаются с Божественной волей... Только они делают добровольно то, что необходимо, воспринимают как благо то, что дурно”²⁵.

Чаще, однако, Фичино выступает с совершенно иными оценками фортуны и рекомендациями о том, как обходиться с ней. Она изображается им в виде безрассудной, капризной, слепой владычицы наличного, материального мира, завистливой к благим делам и людям²⁶ и в качестве таковой не заслуживающей никакого доверия, в особенности со стороны мудреца, которому не остается ничего другого, как затвориться с помощью добродетелей в высшей, умной части своей природы и в ней обрести духовную свободу. Поучая своего близкого друга Джованни Кавальканти тому, как обрести твердость (*constantia*) против фортуны, Фичино писал: «...наши тела влекутся вселенским телом с помощью силы рока, как маленькие частички влекутся всей массой того, чему они принадлежат, движимые неким мощным порывом. Сила рока не проникает в наш ум, доколе по своей воле ум не погрузится сам в тело, которое подвластно року... Всякая душа пусть сама освободит себя от чумного тела и сосредоточится в своем уме; тогда свою силу фортуна обратит на тело, не затронув душу. Мудрый человек не будет напрасно сражаться с роком, но отразит его бегством. Нельзя обратить в бегство беду, тогда беги ее. Вот почему Платон советует нам ”убежать отсюда туда”, то есть от телесных привязанностей и забот о внешних вещах к попечению о душе и о Боге...

Благодаря этому бегству душа заслуженно делается подобной Богу, ибо, будучи свободной от телесной заразы, она становится, словно бог. Сию свободу мы обретаем преимущественно тремя добродетелями благоразумия, справедливости, благочестия... Итак, благоразумный человек предает свое тело в качестве частицы мира волнениям этого мира, куда бы он его ни бросил; душу же, порождение Божье, он отделяет от общения с телом и препоручает руководству Божественного провидения»²⁷.

Как видим, владычеству фортуны оставлен земной, телесный мир; речь уже идет не о подчинении ей как проводнице божественной воли, а о том, чтобы найти способ избежать ее власти, не искуситься ее дарами и не искать в них свое счастье, понимая, что фортуна как сила иррациональная, безрассудная не может не быть враждебной мудрости и добродетели. «Где мудрость в избытке, там мало нужды в случае [то есть фортуны – *О.К.*], где весьма мало мудрости, там большей частью господствует случай... Случай неблаговолит к добропорядочным мужам, всеми силами препятствуя тому, чтобы добропорядочный разум где бы то ни было правил... Случай часто одаряет многим тех, коих мало одарила природа или добродетель, - такие рассуждения находим в послании Фичино Бернардо Бембо (1476-начало 1477 гг.), из них выводятся следующие моральные наставления. – Божественный муж не пожелает себе в вожди фортуны, ибо она слепа и часто подвержена превратностям. Не радуется он обещаниям фортуны, ибо ненадежна она даже для своих, коих не по заслугам возносит до высших почестей... Не боится он также угроз фортуны, ибо безосновательны они... Нет человека несчастнее, чем тот, кто истинное счастье полагает в фортуне. Нет человека счастливее, чем тот, кто не считает, что благополучие, дарованное фортуной, является действительным счастьем... “Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпением”»²⁸. Поэтому от фортуны ничего не стоит ждать – ни хорошего, ни плохого²⁹, и во всяком случае она не властна над человеком мудрым и добропорядочным, ибо он, полагаясь на разум и добродетель, живет далеко от той сферы, где господствует она.

В этой концепции мудреца, претендующего на автономию по отношению ко внешнему миру, олицетворенному непостоянной, переменчивой и, в конечном итоге, враждебной человеку фортуной, можно увидеть черты нравственного идеала³⁰, характерного не только для флорентийской Платоновской академии, но и для всего ренессансного гуманизма.

§ 3. Великолепие

Среди моральных добродетелей была одна, которую Фичино выделял и особенно превозносил: великолепие (*magnificentia*). В молодые годы ей он посвятил небольшое сочинение, адресованное Антонио Каниджани³¹ (датировано 1 июня 1457 г.); самим гуманистом не включенное в собрание его эпистол, оно было опубликовано лишь в XX в. П.О. Кристеллером. Перебирая все моральные добродетели, “самой важной” Фичино называет великолепие, проявляющееся “в широчайших общественных расходах” (*circa publicos sumptus amplissimosque*)³², ибо, радея “не только о частном, но и – намного больше – об общественном благополучии”, оно лучше других “сохраняет общность человеческого рода”³³; из всех добродетелей лишь его считает гуманист “соответствующим божественной природе” и уподобляющим людей Богу³⁴; именно оно, по его словам, доставляет высшие почести, а также бессмертие имени и славу³⁵. Речь идет, конечно, о земном бессмертии в веках, в памяти сменяющих друг друга поколений, а вот высшие почести подразумевают в качестве результата и награды за эту добродетель особое положение уже в настоящем. Итак, человек, обнаруживающий великолепие, должен выделяться, первенствовать в обществе – ему полагаются “высшие почести”.

В Фичиновой эпистоле Антонио Каниджани отчетливо заявили о себе новые нравственные ориентиры, складывающиеся в условиях укрепления во Флоренции власти Медичи: вразрез с традицией гражданского гуманизма, представители которого еще во времена Фичино продолжали в публичных речах превозносить справедливость (*лат.* – *iustitia*; *итал.* – *giustizia*) как базисную добродетель, особенно необходимую для любого человеческого

общежития³⁶, этот гуманист в персональном послании, построенном тем не менее в строгом соответствии с правилами ораторского искусства³⁷, выдвигал на первый план добродетель великолепия, предполагавшую большие траты на общественные нужды и благодаря этому социально значимую роль ее носителя. Как представитель нового поколения гуманистов, связанного с Медичи или на них ориентированного, молодой Фичино (ему было полных 23 года), поднимая на щит добродетель великолепия, точно уловил и обозначил ею тот тип социального поведения, который помог Козимо Медичи, остававшемуся всю жизнь частным лицом, стать фактическим главой Флоренции и посмертно удостоиться от сограждан почетного звания “Отец отечества” (Pater Patriae)³⁸. Обязательной чертой такого поведения были широкие траты во славу и на благо общества и для демонстрации собственного величия, а также меценатство, поддержка ученых и людей искусства, в чем гуманисты, вроде Фичино, не обеспеченные собственными источниками существования, были весьма заинтересованы. Отражая их настроения, Фичино в послании Антонио Каниджани в качестве предпочтительного нравственного принципа описывал такой способ достижения социального превосходства, который с успехом применялся ранними Медичи. Вполне вероятно, что отмеченный принцип обсуждался или хотя бы затрагивался гуманистом и позже, в 60-е годы, в беседах с покровительствовавшими ему Козимо и Пьеро в присутствии юного Лоренцо, ставшего уже в глазах современников и потомков, как и Козимо, олицетворением самого этого принципа, за что он и был прозван Великолепным. Во всяком случае, не подлежит сомнению как соответствие нового нравственного идеала, провозглашенного Фичино, образу действий современных ему Медичи, прежде всего в сфере культуры, так и влияние, оказываемое этим гуманистом на духовную жизнь Флоренции в 60-90-е годы XV в.

Почти в одно время с Фичино в таком же духе и тоне, что и он, эту добродетель упоминал известный флорентийский гуманист Бенедетто

Аккольти, называя граждан Венеции и Флоренции “великолепными в общественных делах и бережливыми и скромными – в частных”, “ведь они хотели, чтобы священные обряды и поклонение Господу Богу и Его святым совершались с великой тщательностью, благочестием и великолепием – большими, чем где-либо”³⁹.

Другие гуманисты, современники Фичино, стали находить воплощение этой добродетели в делах Козимо Медичи: “Сам Козимо, славнейший муж, теперь воздвигает частные дома, священные постройки, монастыри как в городе, так и за его пределами, издерживая столь большие средства, что, кажется, все эти сооружения великолепием равны сооружениям древних императоров и королей”, - писал Донато Аччайуоли в 1462 г. Алонсо да Паленсия⁴⁰. А Иоанн Аргиропул в адресованном Козимо предисловии к переводу Аристотелевой “Физики” (после 1458 г.) указывал на “изобильное богатство” как условие, дающее правителю Флоренции возможность проявлять, наряду с прочими добродетелями, щедрость и великолепие, идя навстречу нуждам своего отечества⁴¹.

Фичино присоединился к этому хору славивших в Козимо великолепие, имея в виду, правда, “многие милости”, оказанные ему его покровителем: “...я был приведен в изумление – писал он Козимо в сентябре 1462 г., - не только твоим великолепием (*magnificentiam tuam*), по отношению к нам весьма значительным, но также пророчеством древнего Орфея...”, - и далее он уточнял, что получил от патрона “тома Платона” превеликой ценности и “Академию” (или домик) “в селении Кареджи”⁴². Сходным образом Фичино реагировал на другой подарок греческих рукописей, сделанный ему тогда же Америго Бенчи – человеком, близким к Медичи: “Сегодня я получил от тебя греческие диалоги нашего Платона, великолепный дар, достойный твоей души и для моей – наиприятнейший... В этом, как и во многих других делах, полагаю, ты хотел походить на великого Козимо, ибо ранее он украсил мою библиотеку Платоном на греческом языке”⁴³. А в следующем, 1463 г., Томмазо Бенчи, племянник Америго и участник Фичинова кружка, в

предисловии к выполненному им переводу на итальянский язык “герметического свода”⁴⁴ прямо писал о “наивеликолепнейшем Козимо Медичи” (*Magnificentissimo Cosimo de' Medici*)⁴⁵. Это же звание Фичино прилагал к Козимо и *post mortem*, рассказывая Лоренцо Медичи, коего он ориентировал на подражание своему деду, сколь тот был справедлив и великодушен в отношении людей (*erga homines iustum atque magnificum*).⁴⁶

Как видим, великолепие среди прочего и в первую очередь трактовалось Фичино и гуманистами его круга как помощь людям культуры, благотворительность и щедрость в отношении их, проявляемая в значительных размерах, и человек, коему она присуща, нарекался великолепным. В адресованном неизвестному другу послесловии ко второму итальянскому изданию трактата “О христианской религии” (1484 г.) Фичино называл Филиппо Валори “великолепным мужем” (*magnifico viro*), ибо, невзирая на расходы и труды, он издал выполненный гуманистом перевод сочинений Платона⁴⁷. Об этом же благодеянии Филиппо, его “великолепных тратах”, Фичино вспоминал в предисловии к комментариям на Платона, обращенном к Никколò Валори (1496 г.)⁴⁸. У Фичино, по-видимому, имелись также основания говорить в письме к Антонио Пацци (1473 г.) о его щедрости, ибо, по свидетельству Лоренцо Медичи, которое приводит Фичино, Антонио проявлял “великолепие в отношении людей ученых” (*erga doctos magnificum*)⁴⁹. Наконец, вспоминая в 1475 г. о пире, с королевским размахом организованном Франческо Бандини в ноябре 1468 г. во Флоренции, чтобы по обычаю древних платоников отметить день рождения и смерти Платона, Фичино отзывался об устройтеле этого действия как о “муже выдающегося ума и великолепия”⁵⁰.

Однако чаще всего о великолепии Фичино говорил применительно к Лоренцо Медичи. В предисловии к выполненной не позднее 1474 г. итальянской версии «Комментария на “Пир” Платона...» Фичино следующим образом характеризовал Лоренцо, настоянию коего, если верить гуманисту, это произведение обязано своим происхождением: «Для пользы

латинян я перевел книгу Платона [“Пир”. - *О.К.*] и, побуждаемый нашим великолепным (*magnifico*) Лоренцо Медичи, прокомментировал наиболее трудные таинства, в ней содержащиеся»⁵¹. В другой раз о присущем Лоренцо великолепию гуманист упомянул в эпистоле, адресованной в январе 1474 г. непосредственно своему покровителю⁵². В 1491 г. в письме Мартину Уранию он извещал о готовящемся весной следующего года выходе в свет своих переводов Платона, осуществляемом благодаря “великолепным издержкам Лоренцо Медичи” (*magnifico Medicis Laurentii sumptu*)⁵³. Случалось другие современники тоже именовали Лоренцо Медичи “великолепным”⁵⁴, однако настойчивое подчеркивание именно Фичино проявлений в правителе Флоренции качеств великолепия позволяет заключить, что прежде всего усилиями главы флорентийских платоников имя его патрона прочно срослось с названием этой добродетели, и он стал в сознании своей эпохи и в памяти истории Лоренцо Великолепным.

§ 4. Человечность

Хотя в осмысление проблемы человека, наиважнейшей для всей ренессансной культуры, Фичино внес вклад много больший, чем другие теоретики эпохи, человечности или человеколюбию (*humanitas*), моральному аспекту этой проблемы, гуманист уделял скромное внимание. Он вспоминал об этой добродетели, умоляя в письме Джованни Кавальканти вернуть книги⁵⁵, а в письме Лоренцо Медичи характеризуя ее вместе с великолепием своего патрона⁵⁶. Специально остановился он на ней в небольшом послании Томмазо Минербетти, названному “человеколюбивым мужем” (датировать документ следует весной 1474 г.). Трактую жестокость и бесчеловечность как проявление неполноты человеческой природы в силу разных причин – из-за несовершеннолетия, ущербности души, болезни тела, неблагоприятного положения светил – во всех тех, кто одержим этими пороками, гуманист находил ненависть и презрение к роду людскому как чему-то, им чуждому и постороннему. “Ибо люди в отдельности, созданные одной идеей и

относящиеся к одному виду, суть один человек; по этой причине, - заключал свою мысль Фичино, - полагаю, из всех добродетелей мудрецы только ту называли именем самого человека, то есть человечностью, которая любит и печется обо всех людях, словно о братьях, рожденных долгой чередой поколений от одного отца. Итак, человечнейший муж, - теперь уже Фичино наставлял своего адресата, - упорствуй в служении человечности, для Бога нет ничего милее любви”⁵⁷.

Помимо любви к человеку термином “humanitas” обозначалась, по примеру Цицерона и Авла Геллия, также культура, или образованность, в частности круг дисциплин, призванных воспитать человека в человеке⁵⁸. Постольку поскольку естественным состоянием человека гуманисты считали не первозданную дикость, а культуру и образованность, то в человеколюбии, которое должно быть присуще людям по их природе, они видели свойство, выработанное приобщением к наукам человечности (*studia humanitatis*). Эти две стороны человечности (*humanitas*) – ее понимание как добродетели и как культуры и образованности, - тесно связанные между собой в гуманистической ее трактовке, можно найти в приписке к цитированному выше письму Фичино, содержащейся в некоторых ее рукописях: “Сохраняй также дружбу к нашему Карло Валгули [из Брешии], мужу выдающейся человечности, преуспевшему в науках о человеке, как греческих, так и латинских”⁵⁹.

И уже не как отдельную, самостоятельную добродетель, а как собрание всех совершенных качеств души, образующее высокую нравственную культуру и эстетическую утонченность, представлял Фичино человечность, олицетворяемую античной богиней Венерой, в послании юному Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи (датируемом 1477-1478 гг.), троюродному брату Лоренцо Великолепного: “Она [человечность – О.К.] служит нам увещанием и напоминанием о том, что мы не можем обладать чем-то значительным на земле, не овладев самими людьми, ради коих сотворено все земное. Люди же не могут быть уловлены ни на какую другую приманку,

кроме человечности. Поэтому остерегайся пренебрегать ею, думая, что она земного происхождения. Ибо сама человечность – это нимфа, замечательного сложения, рожденная в небесных высях эфира, более всего возлюбленная всевышним Богом. Ее душа и ум – это любовь и милосердие, ее глаза – достоинство и великодушие, руки – щедрость и великолепие, ноги – учтивость и воздержанность. Словом, она в целом – умеренность, добродетельность, очарование и величие. О, какая утонченная красота! Как любо ее созерцать»⁶⁰. Восхищение и эстетические восторги гуманиста вызывает человечность, трактованная весьма широко, как разносторонне оформленная и отточенная нравственная природа, которая только и может создать основу подлинно человеческого бытия.

¹ См. в связи с этим: *Ficinus M. Epistola ad Leonardo di Tone // SF. Vol. II. P. 169; Фичино М. Письмо к Леонардо ди Тоне. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 259.*

² «»Non est, crede mihi, sapientis dicere ‘Vivam’. / Sera nimis vita est crastina: vive hodie”... Pereat cras istud hodie, pereat quamprimum, ne tu pereas, nihil crastino isthoc fallacius, fefellit omnes quos terra protulit homines... Vix presens tempus habemus: nam ita leviter habemus, ut parumper retinere non valeamus. Futurum autem nihil est, futurum igitur nullus habet... Bene vale hodie, si cras valueris, valebis nunquam» (*Ficinus M. Tempus parce expendendum // Ep. lib. I. P. 646-647*). См. также: *Марциал. Эпиграммы. I. 15. 11-12. Перевод Ф. Петровского. М., 1968. С. 33.*

Ср. в письме к Джованни Кавальканти тот же призыв жить, предпочитая настоящее и не доверяя будущему, и такая жизнь преподносится в качестве согласной с Богом, в котором нет вчера и завтра, но есть сегодня: “Vivendum est autem hodie, qui enim cras vivit nunquam vivit. Si vis hodie vivere, vive Deo, in quo heri et cras nihil aliud sunt quam hodie” (*Ficinus M. De tolleranda iniuria // Ep. lib. P. 632. 3*).

³ “Laetus impraesens” (*Ficinus M. Medicina corpus, musica spiritum, theologia animum [curat] // Ep. lib. I. P. 609. 2*). См. также: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972. S. 278-279.*

⁴ “... sed visne valere bene? Bene disce, et disce precor hodie, qui cras discit, nunquam discit” (*Ficinus M. Exhortatio ad scientiam // Ep. lib. I. P. 617. 2*).

⁵ “Temporis enim iactura me stimulat ut eos [libros] saepius exigam. Nulla est gravior iactura quam temporis (*Ficinus M. Gravis est iactura temporis // Ep. lib. I. P. 625. 3*).

⁶ “Qui considerent quam gravis sit temporis iactura? In aere expendendo parcissimi sumus, in tempore erogando supramodum prodigi” (*Ficinus M. Stultitia et miseria hominum // Ep. lib. I. P. 637. 1*)

⁷ Об отношении Феофраста ко времени древние авторы сообщали следующее: “И Феофраст, умирая, жаловался на природу, что воронам и оленям она дала долгую жизнь, которая им совсем не нужна, а человеку – такую короткую... если бы человек мог жить дольше, он мог бы украсить людскую жизнь совершенным знанием всех наук. Вот он и жалуется, что должен умереть как раз тогда, когда что-то завиднелось впереди” (*Цицерон. Тускуланские беседы. III. 69. Перевод М.Л. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 291*); “И не раз он [Феофраст] говорил, что самая дорогая трата – это время” (*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод М.Л. Гаспарова. М., 1979. С. 217*). “”

⁸ *Ficinus M. Tempus parce expendendum // Ep. lib. I. P. 646. 2*. Одновременно Фичино обращается с призывом побуждать Лоренцо быть радетьельным в занятиях науками, чтобы в них он первенствовал, как первенствует среди граждан своим положением, к его секретарю Никколò Микелоцци: “Vale, [Michelocti,] atque exhortare ad diligentiam Laurentium, ut brevi tantum doctrina superet Latina, quantum autoritate cives suos sine controversia superat” (*Idem.*

Nemini recte volenti omnino ad bonum interclusus est aditus // Ep. lib. I. P. 648. 2).

⁹ “... tam avarus parcusque temporis erat Cosmus, quam Mida pecuniae. Et quum parcissime suos dies expenderet, horasque impense dinumeraret, homo momentorum avarissimus, frequenter iacturam deplorabat horarum” (*Ficinus M. Imitatio potior est, quam lectio* // Ep. lib. I. P. 649. 1).

¹⁰ “Periucunda mihi fuit epistola tua, quae ita praeteriti temporis iacturam in nobis arguit, ut non omnino inutile ocium fuisse nostrum videatur. Factum est enim, privata parvi temporis iactura, ut ea ex te praecepta emanarint, quae non nobis modo, sed iis omnibus prodesse possint, qui eodem morbo laborant” (*Medices L. Responsio ad epistolam de tempore parce expendendo* // Ep. lib. I. P. 647. 3; *Idem. Lettere. A cura di R. Fubini. Firenze, 1981. Vol. II. N 178. P. 35-37*).

¹¹ “tempore, ut nullum cras habituro” (*Ibid.* P. 648. 1).

¹² “Chi vuol esser lieto, sia:

Di doman non c’è certezza”

(*Medici L. de’. Canti carnascialeschi. VII. Canzona di Bacco* // *Opere. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. II. P. 249*).

О. Вальцель считает, что между Фичиновым увещанием к Лоренцо “дорожить мгновением” (“carpe diem”) и призывом этого последнего жить радостно, дистанция огромного размера (*Walzel O. Von Plotin, Proklos und Ficino* // *Vierteljahrschrift für Litteraturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1941. Bd. XIX. S. 429*). Однако Вальцель не учитывает контекст, в котором Лоренцо высказал свой призыв и в котором речь идет о быстротечности жизни (именно ее моментом и следует наслаждаться), как он не принимает во внимание и то, что у Фичино можно найти точно такую же мысль, как и у Лоренцо, - “радуйся настоящему”, “laetus inpraesens”. См.: *Dress W. Mystik des Marsilio Ficino. Berlin-Leipzig, 1929. S. 81*; *Kristeller P.O. Lorenzo de’ Medici platonico* // *SRTL* (1 изд. работы – 1938 г.). P. 218-219; *Андреев М.Л. Лоренцо Медичи* // *История литературы Италии. М., 2007. Т. II. Кн. 1. С. 461*.

¹³ “Chi tempo aspetta, assai tempo si strugge:

E ‘l tempo non aspetta, ma via fugge.

La bella gioventù giamai non torna,

Nè ‘l tempo perso giamai riede indrieto;

Però chi ha ‘l bel tempo e pur soggiorna,

Non ará mai al mondo tempo lieto;

Ma l’animo gentile e ben discreto

Dispensa il tempo, mentre che via fugge....,-

и несколько ниже, -

Io credo che non sia maggior dolore

Che del tempo perduto a sua cagione” (*Medici L. de’*. Canzoni a ballo. IX // Opere. Ed. A. Simioni. Vol. II. P. 201).

¹⁴ “Una regola sopra l’altre vi conforto ad usare con tutta la sollecitudine vostra; et questa è di levarvi ogni mattina di buona hora, perchè oltra al conferir molto alla sanità, si pensa et espedisce tutte le faccende del giorno, et al grado che avete, avendo a dir l’ufficio, studiare, dare audientia ec. ve ‘l troverete molto utile. Un altra cosa è sommamente necessaria a un pari vostro, cioè pensare sempre, et massime in questi principii, la sera dinanzi, tutto quello che avete da fare il giorno seguente, acciocchè non vi venga cosa alcuna immeditata” (*Roscoe Th. The life of Lorenzo de’ Medici called the Magnificent. London, 1872. App. XXVII. P. 469*).

¹⁵ О том, сколь бережно распоряжался Фичино временем, свидетельствует в письме к нему Каллимах: “Achademie restitutor doctissime, vidi cum istic essem ea te parsimonia tempus dispensantem...” (*Callimachus Ph. Epistola ad Ficinum // SF. Vol. II. P. 224*).

¹⁶ “Io m’achordo, Pandolfo e Bernardo, che sia utilissima materia di darvi a intendere che chose è fortuna et che cose è caso; e appresso, inteso che è fortuna et che è il caso, che voi intendiate se e il senno et la prudenza e il buono ghoverno dell’uomo può resistere a’ casi della fortuna o non in tutto o in parte. E perchè gli oppenioni sono variati, vi farò qui di sotto nota di detti di più filosofi et altri autori,

seperati l'uno dall'altro quelli che ànno tenuto una oppenione et quelli n'anno tenuto un'altra.” (Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. London, 1960. P. 103).

¹⁷ Ibid. P. 103-116.

¹⁸ Ibid. P. 103.

¹⁹ “Le ricchezze e i ben del mondo sono nelle mani della fortuna: e’ non sono sicuri ch’ella nolli possa loro torre...” (Ibid. P. 110).

²⁰ В связи с этим см. подробнее трактовку фортуны в широком контексте культуры Возрождения: *Кудрявцев О.Ф.* Античные представления о фортуне в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 50-57.

²¹ Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. P. 55, 59-60. Подробный отчет Джованни Ручеллаи о зафиксированных им как очевидцем последствиях урагана над Тосканой см.: Ibid. P. 78-82.

²² Ibid. P. 114-116, 176. См. также изд. этого документа Кристеллером: SF. Vol. II. P. 169-172.

²³ Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. P. 114-116; SF. Vol. II. P. 169-172. См. русский перевод, выполненный О.Ф. Кудрявцевым: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 261-263. См. также работу: *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 219.

А. Варбург совершенно безосновательно утверждает, будто Ручеллаи принял вывод Фичино, предлагающий человеку полностью подчиниться велению фортуны: *Warburg A.* Francesco Sassetis letztwillige Verfügung (1 изд. работы – 1907 г.) // *Warburg A.* Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. I. S. 146-149.

²⁴ На зависимость Фичино от Платона обратил внимание Э. Ваинд: *Wind E.* Platonic Tyranny and Renaissance Fortuna of Ficino’s Reading of Laws IV, 709a-712a // *De artibus opuscula XL. Essays in honor of Erwin Panofsky.* Ed. M. Meiss.

New York, 1961. Vol. I. P. 491-492. См. соответствующее место у Платона: Законы. 709a-712a (Соч., М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 180). А. Дорен непоследователен в оценке концепции фортуны в рассматриваемом выше письме Фичино Ручеллаи, находя в нем, с одной стороны, “неоплатоническое преломление средневековой идеи”, с другой, - отказ от средневековой картины мира и “заявление человеком Возрождения своих прав” (sein Recht) (*Doren A. Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg. Berlin; Leipzig, 1922-1923. Bd. II. Teil. I. S. 121 N 99*); непонятно, впрочем, что за права отстаивал “человек Возрождения” в цитированном письме. О средневековых оценках фортуны см.: *Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 121; Doren A. Op. cit. S. 98-105; Patch H. The Goddess Fortuna in Mediaeval literature. London, 1967. P. 15-34; Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуне в средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 180-185.*

²⁵“Denique sive fortuna res nostrae, sive fato provenire dicantur, divina providentia irrationalem fortunam in ordinem ratione disponit, immite etiam fatum ad bonum suavissime temperat, ut cuncta his ordinata bonaque eveniant, qui libenter cum divina voluntate consentiunt. His solis interna consentiunt et externa, caeteris autem utraque ubique dissentiunt. Hi soli quam necessaria sunt faciunt voluntaria, quae mala videntur bona” (*Ficinus M. Nemo est cui possit invidere, qui videre possit, quo omnes intus et extra furiis agitatur // Ep. lib. IV. P. 751. 3*).

²⁶ См., как Фичино объясняет свой перерыв в работе над переводами Платона: “Postquam uero Petrus è vita decessit, fortuna praeclaris saepe operibus invida, invitum me à traductionis officio distrahebat.” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. Vol. II. P. 1129*).

²⁷ *Idem.* De constantia adversus fortunam comparanda // Ep. lib. I. P. 633. 1. Цитированное место у Платона см.: *Платон.* Теэтет a-b (Соч. М., 1970. Т. 2. С. 270).

²⁸ *Ficinus M.* Malis quidem bona fortuna mala est, bonis autem mala fortuna bona // Ep. lib. III. P. 748. 2, 749. 1. В конце отрывка приведена цитата из Вергилия (*Энеида.* V. 710. Перевод Ф. Петровского // *Вергилий.* Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 215). См. также: *Kristeller P.O.* Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 281-283.

²⁹ “...coeci maxime omnium illi mihi videntur, qui fortunam ideo caecam ducunt, quia vel beneficiat malis, quibus revera nihil est bonum, vel malefaciat bonis, quibus denique nihil est malum” (*Ficinus M.* Fortuna neque benefacere potest malis, neque malefacere bonis // Ep. lib. IV. P. 778. 2).

³⁰ См. наблюдения: *Брагина Л.М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 205, 206.

³¹ Антонио Каниджани – представитель семьи, входившей в правящую Флоренцией олигархию, друг Фичино и участник его кружка; ему Фичино адресовал и другие свои ранние работы – “О четырех философских школах”, “О наслаждении”. См.: *Giustiniani V.R.* Canigiani Antonio // DBI. Vol. 18. P. 81-82; *Kristeller P.O.* Introductio // SF. Vol. 1. P. CXXXIX.

³² В трактовке добродетели великолепия Фичино отталкивался от Аристотеля, хотя о буквальном следовании античному философу речь идти не может. Ср.: *Аристотель.* Никомахова этика. 1122a18-1123a19 (Соч. М., 1983. Т. 4. С. 127-129). До Фичино об этой добродетели писал Франческо Филельфо, однако посвященный ей пассаж в его “Миланских застольях” (“Convivia Mediolanensia”, создано в 1443 г., изд. – 1537 г.) является прямым переводом соответствующего отрывка “Никомаховой этики” Аристотеля. См. об этом: *Jenkins Fr.* Cosimo de’ Medici’s patronage of architecture and the theory of magnificence // JWCI. 1970. Vol. XXXIII. P. 166-167.

³³ “Preterea si virtutum proprium est societatem humani generis conservare, erit profecto potissima omnium magnificentia, que non modo privatam, verum etiam et multo magis publicam salutem exoptat” (*Ficinus M. De virtutibus moralibus* // SF. Vol. II. P. 4). Под названием “О великолепии” (*De magnificentia*) это сочинение упоминал Фичино в первом перечне своих трудов, помещенном в письме Анджело Полициано в первой книге “Эпистол” (См.: *Ficinus M. Vona scribere praestat quam multa* // Ep. lib. I. P. 619. 3).

Это письмо в моем переводе на русский язык публиковалось дважды: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Составитель Л.М. Брагина. М., 1985. С. 211-215; Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения. Составитель О.Ф. Кудрявцев // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 437-441.

³⁴ *Ficinus M. De virtutibus moralibus*. P. 5.

³⁵ “...hec ex omnibus humanis rebus amplissimos honores atque immortalem laudem et gloriam consequitur” (*Ibid.* P. 4). Ср. сходное направление мысли, обнаруженное Леоном Баттиста Альберти еще в 30-е гг.: “Puossi colle ricchezze conseguire fama e autorità adoperandole in cose amplissime e nobilissime con molta larghezza e magnificenza” (*Alberti L.B. Della familia. II* // *Opere volgari*. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 1. P. 141).

³⁶ Публикации этих речей см.: *Una prosa inedita di Matteo Palmieri*. Prato, 1850; *Santini E. La protestatio di justitia nella Firenze Medicea del secolo XV* // *Rinascimento*. 1959. Vol. X. N 1. P. 36-106. Мой перевод речей Джаноццо Манетти, Маттео Пальмиери и Донато Аччайуоли см.: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. С. 138-151. Их анализ см.: *Santini E. Firenze e i suoi “oratori” nel Quattrocento*. Milano, 1922; *Брагина Л.М. Идеи гражданского гуманизма в речах флорентийских магистратов XV в.* // *СВ*. 1984. Вып. 47. С. 46-71.

³⁷ В конце эпистолы к Каниджани сам Фичино называет ее “речью” (*oratio*) и “словом” (*sermo*) (*Ficinus M. De virtutibus moralibus*. P. 5, 6).

³⁸ Официально присвоено ему публичным постановлением 15 марта 1465 г. См.: *Fubini R. Ficino e i Medici all'avvento di Lorenzo il Magnifico // Fubini R. Quattrocento fiorentino: politica, diplomazia, cultura*. Pisa, 1996. P. 275 N 99 (1 изд. статьи – 1984 г.). См. также: *Gutkind C.S. Cosimo de' Medici Pater Patriae. 1389-1464*. Oxford, 1938. P. 246.

³⁹ “Qui sacra caeremoniasque summi Dei et Sanctorum eius cum summa cura, religione, magnificentia magis quam alibi coli voluerunt. Qui in rebus publicis magnifici, in privatis parci ac tenues reperti sunt” (*Accolti B. De praestantia virorum sui aevi dialogus*. Lugduni Batavorum, 1723. P. 15AB).

⁴⁰ “Cosmus ipse clarissimus vir, nunc privatas domos, nunc sacras edes, nunc monasteria, tum in urbe tum extra urbem tot tantisque sumptibus condit, ut antiquorum vel imperatorum vel regum magnificentiam equare videantur” (этот архивный материал цит. по: *Brown A.M. The humanist portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // JWCI*. 1961 N 24. P. 193 N 35).

⁴¹ “Accessit eodem [Cosmo] et externarum rerum prosperitas affluentiaque fortunae, quae partim amplissimis patrimoniis, partim providentia tua, tibi iuste atque honeste comparata est in tanta sane mensura, quo tantae prudentiae, tantae virtuti, tantae liberalitati, tantae magnificentiae suppeditare subministrareque possit... Tu nanque praesens confestim succuris ipsi magnificentia temporis, nullamque pateris unquam comoditatem utilitatemque carissimae tuae patriae praeterire” (*Argyropulos I. Praefatio in libros Phisicorum ad Cosmum // Brown A.M. Op. cit.* (P. 214-216). P. 216).

⁴² *Ficinus M. Ad Cosmum Medicem // SF. Vol. II. P. 88* (См. перевод О.Ф. Кудрявцева: *Фичино М. Избранные письма // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения*. М., 2004. С. 260).

⁴³ “Accepi hodie tuo nomine Graecos Platonis nostri dialogos, munus certe magnificum, animo tuo dignum, meo gratissimum... Imitari in hoc, sicut in

plerisque aliis magnum Cosmum, ut arbitror, voluisti: is enim superioribus diebus bibliothecam meam Graeco ornavit Platone” (*Ficinus M. Imitatio utilior est, quam lectio* // Ep. lib. I. P. 609. 1).

⁴⁴ См. Об этом: *Copenhaver B.P. Lorenzo de’ Medici, Marsilio Ficino and the domesticated Hermes* // *Lorenzo il Magnifico e il suo mondo. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1994. P. 236-238.*

⁴⁵ См.: SF. Vol. I. P. 99. “Великолепие” Козимо Медичи, подразумеваемая постройку им роскошного дворца, защищал от злохулителей проповедник Тимотео Маффеи; его трактат “*In magnificentiae Cosmi Medici detractores libellus*” см.: *Hankins J. Cosimo de’ Medici as a patron of Humanistic literature* // *Cosimo il Vecchio de’ Medici, 1389-1464 / Ed. F. Ames-Lewis. Oxford, 1991. P. 85; Jenkins Fr. Cosimo de’ Medici’s patronage of architecture and the theory of magnificence. P. 165-166.*

⁴⁶ *Ficinus M. Imitatio potior est, quam lectio* // Ep. lib. I. P. 648-649. Послание следует датировать концом сентября 1474 г. См.: *Gentile S. Introduzione* // *Ficino M. Lettere I. Epistolarum familiarium liber I. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. P. CCLXIII.*

⁴⁷ *Ficinus M. Epistola ad ignotum amicum secundae libri Della religione editioni in fine addita* // SF. Vol. I. P. 13.

⁴⁸ *Idem. Prooemium in commentaria in Platonem* // Op. om. P. 1136.

⁴⁹ *Idem. Exhortatio ad scientiam* // Ep. lib. I. P. 617. 2.

⁵⁰ *Idem. Anime natura et officium. Laus historiae* // Ep. lib. I. P. 657. 2.

⁵¹ *Ficino M. El libro dell’Amore. Proemio di Marsilio Ficino fiorentino sopra El libro dell’Amore, a Bernardo del Nero e Antonio di Tuccio Manetti...* P. 4. См. также: *Della Torre A. Storia dell’accademia platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 602-604; Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIII, CXXIV.*

⁵² *Ficinus M. Mirabilium author Deus est, non homo* // Ep. lib. I. P. 622. 1.

⁵³ *Idem. Gratiarum actio* // Ep. lib. XI. P. 929. 3.

⁵⁴ См. переписку Иоанна Ласкариса и Серджо Стиссо да Цоллино, в которой Лоренцо назван по-гречески μεγαλοπρεπής, то есть “великолепным” (лат. - “magnificus”) (Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. Ed. par É. Legrand. Paris, 1892. P. 361, 364). См. также: *Gentile S.* Ficino e il platonismo di Lorenzo // Lorenzo de’ Medici. New perspectives. Ed. by B. Toscani. New York; S. Francisco, 1993 (P. 23-47). P. 45-46.

⁵⁵ *Idem.* Gravis est iactura temporis // Ep. lib. I. P. 625. 3.

⁵⁶ “Agere gratias innumerabiles hortatur singularis humanitas et magnificentia tua...” (*Idem.* Mirabilium author Deus est, non homo // Epistolarum liber I. P. 622. 1).

⁵⁷ «Singuli namque homines sub una idea, et in eadem specie sunt unus homo. Ob hanc ut arbitror rationem, sapientes solam illam ex omni virtutum numero hominis ipsius nomine, id est, humanitatem appellaverunt, quae omnes homines quodammodo ceu fratres ex uno quodam patre longo ordine natos diligit atque curat. Ergo vir humanissime in officiis humanitatis persevera. Nihil Deo gratius, quam charitas” (*Idem.* De humanitate // Ep. lib. I. P. 635. 4). См. также: *Paparelli G.* Feritas, humanitas, divinitas. L’essenza umanistica del Rinascimento. Napoli, 1973. P. 126, 127. Анализ и полный перевод этого документа см.: *Черняк И.Х.* Термин humanitas у Фичино // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986 (С. 89-94). С. 91.

⁵⁸ См.: *Borinski K.* Die Antike in Poetik und Kunsttheorie. Von Ausgang des klassischen Altertums bis auf Goethe und Wilhelm von Humboldt. Leipzig, 1914. S. 109; *Jaeger W.* Humanism and theology. Milwaukee, 1943. P. 20-23; *Ревякина Н.В.* Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV-первой половины XV в. М., 1977. С. 65. Сн. 168; *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 6, 7; *Черняк И.Х.* Указ. соч. С. 89-90.

⁵⁹ “... persevera etiam in familiaritate Caroli Valgulii nostri [Brixienensis]: est enim vir humanitate humanitatisque studiis tam Grecis quam Latinis excellens” (*Ficino*

M. Lettere / A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P.107. См. текст в примечании). В связи с этим см.: *Черняк И.Х.* Указ. соч. С. 92-94.

⁶⁰ “Est enim humanitas ipsa praestanti corpore nympha, coelesti origine nata Aethaereo ante alias dilecta Deo. Siquidem eius anima spiritusque sunt amor et charitas. Oculi eiusdem gravitas et magnanimitas. Manus praeterea liberalitas atque magnificentia. Pedes quoque comitas et modestia. Totum denique temperantia et honestas, decus et splendor. O egregiam formam, o pulchrum spectaculum” (*Ficinus M.* Prospera in fato fortuna, vera in virtute felicitas // *Ep. lib. V.* P. 805. 2). См. в связи с этим: *Gombrich E.H.* Botticelli’s mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle // *JWCI.* 1945. Vol. 8 (P. 7-60). P. 15-18.